

К. Н. БАТЮШКОВ

Вечер у Кантемира (По поводу речи Ф. М. Достоевского)

Антиох Кантемир *, посланник русский при дворе Лудовика XV, предпочитал уединение шуму и рассеянию блестящего двора. Свободное время от должности он посвящал наукам и поэзии. В мирном кабинете, окруженный любимыми книгами, он часто восклицал, перечитывая Плутарха, Горация и Вергилия: «Счастлив, кто, довольствуясь малым, свободен, чужд зависти и предрассудков, имеет совесть чистую и провождает время с вами, наставники человечества, мудрецы всех веков и народов: —

..... с вами, Греки и Латины...

Исследуя всех вещей действия и причины» **.

Ум его имел свойства, редко соединяемые: основательность, точность и воображение. Часто, углубленный в исчисления алгебраические, Кантемир искал истины и — подобно мудрецу Сиракуз *** — забывал мир, людей и общество, беспрестанно изменяющееся. Он занимался науками не для того, чтобы щеголять знаниями в суетном кругу ученых женщин или академиков: нет!

* Кантемир Антиох Дмитриевич (1709–1744) — русский поэт и дипломат, апологет петровских преобразований; с 1731 г. посланник в Лондоне и с 1738 г. — в Париже, куда был назначен в качестве полномочного министра. Сын перешедшего на службу к Петру I молдавского господаря, известного ученого и писателя Дмитрия Кантемира. Знаток античных авторов, энтузиаст культурного прогресса в России и петровских реформ.

** Прозаическое переложение VI сатиры Кантемира (цитата оттуда же).

*** т. е. Архимеду.

он любил науки для наук, поэзию для поэзии, — редкое качество, истинный признак великого ума и прекрасной, сильной души! В Париже, где самолюбие знатного человека может собирать беспрестанно похвалы и приветствия за малейший успех в словесности, где несколько небрежных стихов, иностранцем написанных, дают право гражданства в республике словесности, Кантемир ... писал русские стихи! И в какое время? Когда язык наш едва становился способным выражать мысли просвещенного человека. Бросьте на остров необитаемый математика и стихотворца, говорил Даламбер: первый будет проводить линии и составлять углы, не заботясь, что никто не воспользуется его наблюдениями; второй перестанет сочинять стихи, ибо некому хвалить их; следственно, поэзия и поэт, заключает *рассудительный* философ, питаются суетностию. Париж был сей необитаемый остров для Кантемира. Кто понимал его? Кто восхищался его *русскими* стихами? — В самой России, где общество, науки и словесность были еще в пеленах, он, нет сомнения, находил мало ценителей своего таланта. Душею и умом выше времени и обстоятельств, он писал стихи, он поправлял их беспрестанно, желая достигнуть возможного совершенства, и, казалось, завещал благородному потомству и книгу, и славу свою. Талант питается хвалою, но истинный, великий талант и без нее не умирает. Поэт может быть суетным — равно как и ученый — но истинный любитель всего прекрасного не может существовать без деятельности, и то, что было сказано нашим Катуллом о нашем Бавии *, —

С последним вздохом он издаст последний стих, —

почти то же можно сказать о великом стихотворце. На одре смерти Сервантес не покидал пера своего **. Камоэнс писал «Луизиаду» посреди племен диких ***. Тасс, несчастный Тасс, в ужасном

* П. А. Вяземский, автор сатиры «К перу моему», стих из которой цитируется. Под именем бездарного стихотворца Бавия (литературного антагониста Катулла) в сатире Вяземского имеется, по-видимому, в виду А. С. Хвостов, постоянно подвергавшийся насмешкам за графоманство.

** Роман «Странствия Персилеса и Сихизмунды» был закончен Сервантесом во время его смертельной болезни.

*** Португальский поэт Луис Камоэнс (1524 или 1525–1580) в результате придворных интриг был отправлен солдатом в Марокко и затем в Индию. В его

заклучении беседовал с музами *. Державин, за час пред смертию **, хладеющими перстами извлекал звуки из бессмертной лиры своей. Сих ли людей обвиним в суетности?.. Но возвратимся к Кантемиру.

Однажды по вечеру Монтеस्कье и аббат В. ***, известный остроумец, навестили нашего стихотворца. Он беседовал с своею музою и не приметил входящих друзей, которые имели к нему свободный доступ. Несколько минут Кантемир перечитывал начало послания своего **** к кн<язю> Никите Трубецкому, и всегда с новым жаром и удовольствием. При чтении спокойное и даже холодное лицо Кантемира приметным образом изменялось: глаза его сверкали, как молнии, щеки разгорелись, и рука его ударяла такту по от-

эпической поэме «Лузиады» повествуется о плавании португальца Васко да Гамы в Индию, изображаются нравы различных народов.

* Т.[орквато] Тасс[o] приписал свой «Иерусалим» Альфонсу, герцогу Феррарскому: («*magnanimo Alfonso!*...»); и великодушный покровитель без вины, без суда заключил его в больницу св. Анны, т. е. в дом сумасшедших. Там его видел Монтань, путешествовавший по Италии в 1580 году. <...>

** Имеется в виду последнее, не законченное Державиным стихотворение «На тленность»; его первую строфу Державин успел написать на грифельной доске за несколько дней до смерти («Река времен» в своем течение...).

*** Действительное близкое знакомство Кантемира со знаменитым философом Шарлем Луи Монтеस्कье (1689–1755) и расхождение их воззрений на культурный прогресс в России дали Батюшкову повод к написанию очерка. Батюшков именует Монтеस्कье «президентом», имея в виду его должность советника в парламенте г. Бордо. Под аббатом В. подразумевается, по мнению М. П. Алексеева, М. Венутти, единомышленник Монтеस्कье по многим вопросам («Монтеस्कье и Кантемир». — «Вестник Ленинградского Университета», 1955, № 6).

**** Батюшков имеет в виду стихотворение «Письмо I. К князю Никите Юрьевичу Трубецкому». Первые 8 стихов действительно принадлежат к лучшим у Кантемира:

Беллоны часто видею, не бледнея,
Уста кровавы и пламень суровый,
И чело многим покрыто имея
Листом победным; я чаял, ты новый
Начал род жизни; я чаял, ты спелый
Плод многовидных трудов собирая,
В покое правишь крайние пределы
Пространна царства, что вблизи Китая...

Н. Ю. Трубецкой (1699–1767) — друг Кантемира, генерал-фельдмаршал, с 1740 г. сибирский губернатор.

верстой пред ним книге. Монтескье взглянул на аббата, кивнул ему головою и намеревался удалиться. Они не хотели беспокоить министра, полагая, что он занят важным государственным делом. Кантемир услышал за собою шорох, оглянулся — и бросился обнимать неожиданных гостей. — «Мы вам помешали: мы пришли не в пору». — «Нимало!» — «Вы читали важные бумаги?» — «Я забавлялся: перечитывал стихи моего сочинения». — «Но какие? мы ни слова не поняли». — «Русские». — «Русские стихи!» — восклицал аббат, пожимая плечами от удивления: «русские стихи! это любопытно...» *

Кантемир.

Слабое подражание Горацию, Ювеналу и Персию **. Вы знаете мою страсть к древним писателям; она завлекла меня далеко. Не в силах будучи сравниться с древними поэтами Рима, я влачусь за ними, как раб за господином, или — как страстный любовник за гордою красавицею. Вы никогда не писали стихов, г. президент, и не знаете сего мучения и удовольствия, которое называют метроманиею?

Монтескье.

Ваша правда. Я не писал стихов, но люблю стихи, когда нахожу в них столько же мыслей, сколько слов: когда они ясны, сильны, выразительны, одним словом — хороши, как проза. Я всегда уважал сатиры и послания Горация: они знакомят нас с Римом, со нравами, с образом жизни переродившихся потомков Брутов, Кориоланов и Сципионов. Ювенала перечитываю с удовольствием; прямой римлянин душою! Он то же в стихах, что Тацит в прозе ***. Я люблю творения сих поэтов, как памятники языка, образованного целыми веками славы народной, языка мужественного, обильного, выразительного: почтенного родителя языков новейших.

* Рассуждения Монтескье о русских стихах и (далее) о сатирах Кантемира вымышлены.

** Персий Флакк, Авл (I в. н. э.) — римский поэт-сатирик, подражавший Горацию и в свою очередь оказавший влияние на Ювенала.

*** Сочинениям римского историка Публия Корнелия Тацита (I–II вв. н. э.) была свойственна моралистическая, дидактическая установка. Упоминание о древнеримской сатире подготавливает дискуссию между действующими лицами о сатирах Кантемира.

Аббат В.

И г. президент конечно сожалеет, что вы пишете русские стихи. Зная совершенно язык латинский и наш французский, столь ясный, точный и красивый, вы лишаете нас удовольствия читать ваши прелестные произведения.

Монтескье.

Сожалею и удивляюсь, как можно писать, скажу более, как можно мыслить на языке необразованном? Вы пишете по-русски, а ваш язык и нация — еще в пеленах.

Кантемир.

Справедливо: русский язык в младенчестве; но он богат, выразителен, как язык латинский, и со временем будет точен и ясен, как язык остроумного Фонтенеля * и глубокомысленного Монтескье. Теперь я принужден бороться с величайшими трудностями: принужден изобретать беспрестанно новые слова, выражения и обороты, которые, без сомнения, обветшают через несколько годов. Переводя «Миры» Фонтенелевы, я создавал новые слова: академия Петербургская часто одобряла мои опыты. Я очищал путь для моих последователей.

Аббат В.

Но скажите, бога ради, как же вы могли присвоить все тонкие выражения и обороты первого щеголя языка французского, нашего семидесятилетнего Фонтенеля?

Кантемир.

Как умел! Я следовал рабски по следам его. Перевод мой слаб, груб, неверен. Скифы заставили пленного грека изваять Венеру и обещали ему свободу. Грек был дурный ваятель; в Скифии не было ни паросского мрамора, ни хороших резцов; за неимением их — соотечественник Праксителев ** употребил грубый гранит, молот, простую пилу и создал нечто похожее на Венеру, следуя заочно образцу, столь славному не только в Греции, но даже в зем-

* Фонтенель Бернар (1657–1757) — французский писатель и ученый-популяризатор, автор «Бесед о множественности миров», «Разговоров в царстве мертвых», а также многочисленных пасторалей.

** Пракситель (IV в. до н. э.) — древнегреческий скульптор.

лях варваров. Скифы были довольны, ибо не знали божественного подлинника, и поклонялись новой богине с детским усердием. Скифы — мои соотечественники; Праксителива статуя — книга бессмертного Фонтенеля; а я — сей грек, неискусный ваятель.

Аббат В.

О! вы слишком скромны, почтенный князь!

Кантемир.

Не довольствуясь опытом моим над Фонтенелем, я принялся за «Персидские письма» *.

Аббат В.

«Персидские письма» по-русски!

Монтескье.

Мог ли я ожидать, что первое, слабое произведение моего пера отнимет у вас столько драгоценного времени?

Аббат В.

Теперь гиперборейцы ** узнают, как ветрены и малодушны обитатели берегов Сейны ***.

Кантемир.

И как остроумны.

Аббат В.

Я давно на вечерах г-жи Жофрень **** — которая вас перевозит, но в душе своей ненавидит — давно предсказывал вашу славу, г. Монтескье!

* Перевод А. Д. Кантемиром «Персидских писем» Монтескье утрачен.

** т. е. жители Севера (здесь имеются в виду русские).

*** т. е. Сены. В «Персидских письмах» с иронией изображались французские нравы, в форме переписки двух персов, посетивших Францию в начале XVIII в.

**** Жофрен Мария-Тереза (1699–1777) — хозяйка знаменитого литературного салона в Париже, где особые дни отводились для литераторов, ученых, художников и постоянно бывали Монтескье, Мариво, Фонтенель, Гольбах, Даламбер, Гиббон. Получила от Екатерины II приглашение посетить Россию.

В земле своей никто пророком не бывал *.

Но мое пророчество сбылось, как видите. Легко быть может, что в эту самую минуту на берегах Ледовитого моря, на берегах Лены или Оби, в пустынях Татарии — читают ваши остроумные письма, и имя Монтескье гремит в становищах калмыков и самоедов.

Монтескье.

Читают «Персидские письма» при свете лампы, налитой рыбьим жиром...

Аббат В.

Или при свете северного сияния... Конечно странно, чудесно! — А мы говорим с таким пренебрежением о великой Московии!

Кантемир.

Калмыки и самоеды не читают философических книг, и, конечно, долго читать не будут. Но в Москве многолюдной, в рождающейся столице Петра, в монастырях малой и великой России есть люди просвещенные и мыслящие, которые умеют наслаждаться прекрасными произведениями муз.

Монтескье.

Число таких людей должно быть весьма ограничено. До сих пор я думал и думаю, что климат ваш, суровый и непостоянный, земля, по большей части бесплодная, покрытая в зиму глубокими снегами, малое население, трудность сообщений, образ правления почти азиатский, закоренелые предрассудки и рабство, утвержденные веками навыка, — все это вместе надолго замедлит ход ума и просвещения. Власть климата есть первая из властей **.

Аббат В.

* Измененная цитата из стихотворной сказки И. И. Дмитриева «Искателям фортуны» («На родине никто пророком не бывает»).

** Эта идея Монтескье высказана в его книге «О духе законов», откуда Батюшковым взят материал для реплик обоих собеседников Кантемира.

Я с вами согласен; и полагаю, что все усилия исполинского царя, все, что он ни сотворил железною рукою, — все разрушится, упадет, исчезнет. Природа, обычаи древние, суеверие, неисцелимое варварство возьмут верх над просвещением слабым и неосновательным; и вся полудикая Московия — снова будет дикою Московиею, и вечный туман забвения покроет дела и жизнь преемников Петра Великого.

Кантемир.

Я осмелюсь спорить с великим творцом книги о существе законов, и с вами, любезный аббат. Россия пробудилась от глубокого сна, подобно баснословному Эпимениду^{***}. Заря, осветившая нашу землю, предвещает прекрасное утро, великолепный полдень и ясный вечер: вот мое пророчество!

Аббат В.

Но это не заря — северное сияние. Блеску много, но без света и без теплоты.

Монтескье.

Остроумный аббат сказал великую истину. Положим — трудное предположение, едва ли сбыточное дело! — положим, что правительство откроет все пути к просвещению, что будет беспрестанно призывать иностранцев для воспитания юношества, построит теплые дома для училищ, и из сих парников и теплиц просвещения соберет несколько незрелых и несочных плодов; положим, что правительство образует военных людей, довольно искусных, несколько мореходцев, небольшое число артиллеристов, инженеров и проч. Но скажите, может ли правительство вдохнуть вкус к изящному, к наукам отвлеченным, умозрительным? Какая сила изменит климат? Кто может вам даровать новое небо, новый воздух, новую землю?

Аббат В.

И новое солнце? Как можно сеять науки там, где осенью серп земледельца пожинает редкие класы на броздах, потом его оро-

^{***} Эпименид — критский жрец (VII в. до н. э.), согласно легенде находившийся в очарованном сне в течение 57-ми лет.

шенных; где зимою от холоду чугун распадается и топор жидкости рубит? —

Caeduntque securibus humida vina! *

Монтескье.

Холодный воздух сжимает железо; как же не действовать ему на человека? Он сжимает его фибры; он дает им силу необыкновенную. Эта сила физическая сообщается душе. Она внушает ей храбрость в опасности, решительность, бодрость, крепкую надежду на себя; она есть тайная пружина многих прекрасных свойств характера; но она же лишает чувствительности, необходимой для наук и искусств. Теплота, напротив того, расширяя тончайшую плену кожи, раскрывает оконечности нервов и сообщает им чудесную раздражительность. В землях холодных наружная кожа столь сильно сжата воздухом, что нервы, так сказать, лишены жизни, и редко, очень редко сообщают слабые ощущения свои мозгу. Вы знаете, что от бесчисленного количества слабых ощущений зависят воображение, вкус, чувствительность и живость. Надобно содрать кожу с гипербореяца **, чтоб заставить его что-нибудь почувствовать.

Аббат В.

Что можете отвечать на это? Вы станете защищать соотечественников ваших, как министр, и на сильные, неотразимые силлогизмы президента отвечать дипломатическими, отклоняющими истину фразами?

Кантемир.

Я родился в Константинополе. Праотцы мои происходят от древней фамилии, некогда обладавшей престолом восточной Империи. Следственно, во мне играет еще кровь греческая, и я непритворно люблю голубое небо и вечно зеленые оливы стран полуденных. В молодости я странствовал с отцом моим, неразлучным спутником, искренним другом Петра Великого, и видел обширные долины России от Днепра до Кавказа, от Каспийско-

* «Они рубят секирами влажные вина» — стих Вергилия из «Поэмы о земледелии» («Георгики», III, 364).

** Il faut écorcher un Moscovite pour lui donner du sentiment (?) [Надобно содрать кожу с жителя Московии, чтобы дать ему что-либо почувствовать] (франц.). Батюшков здесь перефразирует парадокс из «О духе законов» о большей впечатлительности южных народов по сравнению с северными.

го моря до берегов величественной Москвы. Я знаю Россию и обитателей ее. Хижина земледельца и терем боярина мне равно известны. Руководимый наставлениями отца моего, просвещеннейшего человека в Европе, с ранних лет воспитанный в училище философии и опытности, будучи обязан по званию моему иметь беспрестанные и тесные сношения с иностранцами всех наций, я не мог сохранить предрассудков *варварских* и привык смотреть на новое отечество мое оком беспристрастного наблюдателя. В Версали, в кабинете короля вашего, в присутствии министров я — представитель великого народа и всемогущей его монархини *: но здесь, в обществе дружеском, с великим гением Европы, поставляю обязанностью говорить откровенно; и вы, г. аббат, скорее обличите Кантемира в невежестве, нежели в пристрастии или нечистосердечии. Вот мой ответ: вы знаете, что Петр сделал для России; он создал людей, — нет! он развил в них все способности душевные; он вылечил их от болезни невежества; и русские, под руководством великого человека, доказали в короткое время, что таланты *свойственны всему человечеству*. Не прошло пятнадцати лет — и великий монарх наслаждался уже плодами знаний своих сподвижников: все вспомогательные науки военного дела процвели внезапно в государстве его. Мы громами побед возвести Европе, что имеем артиллерию, флот, инженеров, ученых, даже опытных мореходцев. Чего же хотите от нас в столь короткое время? Успехов ума, успехов в науках отвлеченных, в изящных искусствах, в красноречии, в поэзии? — Дайте нам время, продлите благоприятные обстоятельства, и вы не откажете нам в *лучших* способностях ума. Вы говорите, что власть климата есть первая из властей. Не спору: климат имеет влияние на жителей; но это влияние, как вы сами заметили в бессмертной книге своей, это влияние уменьшается или смягчается образом правления, нравами, общежитием. Самый климат России разнообразен. Иностранцы, говоря о нашем отечестве, полагают вообще, что *Московия* покрыта вечными снегами, населена — дикими. Они забывают неизмеримое пространство России; они забывают, что в то время, когда житель влажных берегов Белого моря ходит за кунцею на быстрых лыжах своих, — счастливый обитатель устьев Волги собирает пшеницу и благодатное просо. Самый

* Кантемир был отправлен русским послом в Париж в царствование Анны Иоанновны и продолжал там оставаться при Елизавете.

Север не столь ужасен взорам путешественника; ибо он дает все потребное возделывателю полей. Плуг есть основание общества, истинный узел гражданства, опора законов; а где, в какой стране России не оставляет он благодетельных следов своих? С успехами людскости и просвещения Север беспрестанно изменяется, и, если смею сказать, прирастает к просвещенной Европе. Скажите: когда Тацит описывал германцев *, думал ли тогда Тацит, что в диких лесах ее возникнут города великолепные, что в древней Паннонии и Норике ** родятся светильники ума человеческого? Нет, конечно! Но Петр Великий, заключив судьбу полумира в руке своей, утешал себя великою мыслию, что на берегах Невы древо наук будет процветать под тению его державы и рано или поздно, но даст новые плоды, и человечество обогатится ими. Вы, г. Монтескье, наблюдаете беспрестанно мир политический: на развалинах протекших веков, на прахе гордого Рима и прелестной Греции вы постигли причины настоящих явлений, научились пророчествовать о будущем. Вы знаете, что с успехами просвещения изменяются явным и неперменным образом все формы правления: вы заметили сии изменения в земле русской. Время все разрушает и созидает, портит и усовершенствует. Может быть через два или три столетия, может быть и ранее, благие небеса даруют нам гения, который постигнет вполне великую мысль Петра — и обширнейшая земля в мире, по творческому гласу его, учинится хранилищем законов, свободы, на них основанной, нравов, дающих постоянство законам, одним словом — хранилищем просвещения. Лестные надежды! вы сбудетесь, конечно. Благодетель семейства моего, благодетель России — почивает во гробе; но дух его, сей деятельный, сей великий дух — не покидает страны, ему любезной: он всюду присутствует, все оживляет, всему дает душу, и новую жизнь, и новую силу; он, кажется мне, беспрестанно вещает России — иди вперед! не останавливайся на поприще, мною отверстом, и достигнешь великой цели, мною назначенной!

Монтескье.

Но искусства? Могут ли они процветать в туманах невских или под суровым небом московским?

* Жизнь и общественное устройство германских племен описаны в книге «Германия».

** Паннония, Норик — римские провинции в области древней Иллирии.

Аббат В.

Искусства... Ах! им-то нужен прозрачный воздух и яркое солнце Рима, древней Эллады или умеренный климат нашей Франции.

Кантемир.

Полуденные страны были родиною искусств; но сии прелестные дети воображения были часто вытесняемы из родины своей варварством, суеверием, железом завоевателей и, как быстрые волны, разлились по лицу земному. Музыка, живопись и скульптура любят свое древнее отечество, а еще более — многолюдные города, роскошь, нравы изнеженные. Но поэзия свойственна всему человечеству: там, где человек дышит воздухом, питается плодами земли, там, где он существует, — там же он наслаждается и чувствует добро или зло, любит и ненавидит, укоряет и ласкает, веселится и страдает. Сердце человеческое есть лучший источник поэзии...

Аббат В.

Так! но оно, признайтесь, не столь чувствительно на Севере.

Монтескье.

Я видел оперу в Англии и в Италии. От музыки, которую англичане слушают спокойно, итальянцы бывают вне себя и прыгают, как пифия на пророческом треножнике.

Кантемир.

Что доказывает это? Что чувствительность народов южных раздражительнее, общительнее: но едва ли столь глубока, столь сильна, как чувствительность народов северных. В бытность мою в Лондоне ученый шотландец Н. Н. * показывал мне песни своих горных соотечественников: они напоминают древнего Омера и силою мыслей, глубиною чувств превосходят многие произведения музы итальянской.

* В уста Кантемира Батюшков вкладывает собственное понимание «Песен Оссиана» шотландца Макферсона, появившихся гораздо позднее (1760) и представлявших собой талантливую стилизацию в духе средневекового кельтского фольклора.

Аббат В.

Невероятно!

Кантемир.

Мы, русские, имеем народные песни: в них дышит нежность, красноречие сердца; в них видна сия задумчивость, тихая и глубокая, которая дает неизъяснимую прелесть и самым грубым произведениям северной музыки.

Аббат В.

Чудесно! по чести, невероятно!

Кантемир.

...Скажите, если грубые дети Севера умеют чувствовать и изъясняться столь живо и приятно, то чего нельзя ожидать нам от людей образованных?

Аббат В.

Но... почтенный защитник Севера... вы знаете, что народные песни... лепетание младенцев!

Кантемир.

Младенцев, которые со временем возмужают. Как знать? Может быть на диких берегах Камы или величественной Волги возникнут великие умы *, редкие таланты. Что скажете, г. президент, что скажете, услыша, что при льдах Северного моря, между полудиких родился великий гений? ** Что он прошел исполинскими шагами все поле наук; как философ, как оратор и поэт преобразовал язык свой и оставил по себе вечные памятники? Это одно предположение, но дело возможное. Что скажете, если...

Аббат В.

Но к чему сии гипотезы? Легче поверю, что русские взяли приступом Париж *** и уничтожили все крепости, Вобаном по-

* Намек на Г. Р. Державина и И. И. Дмитриева (ср. аналогичное место в «Послании И. М. М^уравьеву»-А^впостолу).

** М. В. Ломоносов.

*** Намек Батюшкова на взятие Парижа русскими войсками в 1814 г.

строенные!!! * *Впрочем, для чудес нет законов* **, говорил мне Фонтенель с значительною усмешкою, прочитав в первый раз свое глубокомысленное рассуждение об оракулах. Все надежды ваши может быть и сбудутся, или вы найдете их в царстве Луны, с утраченными надеждами Астольфа ***. Но, простите моему чистосердечию... признаюсь, я до сих пор смотрю на вас с удивлением и не могу постигнуть, как можно в Париже — на земле Расина и Корнея — писать русские стихи?

Кантемир.

Это напоминает: как можно быть персиянином? ****

Монтескье.

Вы хотели поразить нас собственным нашим оружием. Но позвольте сделать одно замечание. Вы подражаете Горацию и Ювеналу: следственно, пишете сатиры, — сатиры на нравы... которые еще не установились. Гораций и Ювенал осмеивали пороки народа развратного, но достигшего высокой степени просвещения; остроумный и всегда рассудительный Буало писал при дворе великого короля, в самую блестящую эпоху монархии французской. Теперь общество в России должно представлять ужасный хаос: грубое слияние всего порочного, смешение закоренелых предрассудков, невежества, древнего варварства, татарских обычаев с некоторым блеском роскоши азиатской, с некоторыми искрами просвещения европейского! Какая тут пища для поэта сатирического? Могут ли проникнуть тонкие стрелы эпиграммы сквозь тройную броню невежества и уязвить сердце, окаменелое от пороков, закаленное в невежестве? И что значат сии стрелы в земле, где женщины, хранительницы нравов, едва начинают освобождаться из-под ига мужей своих; в земле, где общественное мнение еще шатается, еще не установилось и не может наказывать своим приговором того, что

* Вобан Себастиан (1633–1707) — французский маршал, военный инженер и писатель, возглавивший инженерное дело при Людовике XIV.

** Имеется в виду ироническая трактовка суеверий в книге Фонтенеля «История оракулов» (1687).

*** В поэме Ариосто «Неистовый Роланд» Астольф находит утраченные надежды на луне.

**** Реплика парижанина в «Персидских письмах» Монтескье, иронически направленная автором против невежества и тщеславия самих парижан.

не подлежит суду законов? Одним словом: как можно смеяться говорить истину властелинам или рабам? Первым — опасно; другим — бесполезно.

Кантемир.

Пользуясь покровительством монархов и вельмож, занимающих первые степени в государстве, я без страха говорил истину, и мои сатиры принесли некоторую пользу. Петр Великий, преобразуя Россию, старался преобразовать и нравы: новое поприще открылось наблюдателю человечества и страстей его. Мы увидели в древней Москве чудесное смешение старины и новизны, две стихии в беспрестанной борьбе одна с другою. Новые обычаи, новые платья, новый род жизни, новый язык не могли еще изменить древних людей, изгладить древний характер. Иные бояра, надевая парик и новое платье, оставались с прежними предрассудками, с древним упрямством, и тем казались еще страннее; другие, отложив бороду и длинный кафтан праотеческий, с платьем европейским надевали все пороки, все слабости ваших соотечественников, но вашей любезности и людскости занять не умели. Частые перемены при дворе возводили на высокие степени государственные людей низких и недостойных: они являлись и — исчезали. Временщик сменял временщика, толпа льстецов другую толпу. Гордость и низость, суеверие и кощунство, лицемерие и явный разврат, скупость и расточительность неимоверная *: одним словом, страсти, по всему противоположенные, сливались чудесным образом и представляли новое зрелище равнодушному наблюдателю и философу, который только ощупью, и с Горацием в руках, мог отыскать счастливую средину вещей. Я старался изловить некоторые черты сих времен; скажу более: я старался явить порок во всей наготе его, и намекнуть соотечественникам истинный путь честности, благих нравов и добродетели. Ученый Феофан **,

* Именно этот пассаж, вероятно, тревожил Батюшкова с точки зрения прохождения очерка через цензуру (письмо Н. И. Гнедичу от 25 сентября 1816 г.).

** Феофан Прокопович (1681–1736), церковный деятель и писатель, изучавший в Риме античную литературу, историю и философию. Поддерживал реформы Петра I. Его изобличающие невежество проповеди оказали влияние на сатиры Кантемира. В свою очередь Феофан и архимандрит Кролик посвятили I сатире Кантемира («На хулящих учения») восторженное стихотворение (см. ниже).

архимандрит Кролик * (оба достойные пастыря), Никита Трубецкий и другие вельможи одобрили мои слабые опыты, мое перо не-искусное, но смелое, чистосердечное. Я первый осмелился писать так, как говорят: я первый изгнал из языка нашего грубые слова славянские, чужестранные, не свойственные языку русскому, — и открыл новую дорогу для грядущих талантов. Сатиры мои будут иметь некоторую цену для потомков наших, подобно древним картинам первых живописцев, предшественников Рафаэля: в них они найдут изображение верное нравов и языка русского, в славном периоде для России — от времен Петра до царствования счастливой, обожаемой нами Елисаветы, — и имя мое (простите мне авторское самолюбие) будет уважаемо в России более потому, что я первый осмелился говорить языком муз и философии, нежели потому, что занимал важное место при дворе вашем.

Аббат В.

Прекрасно! Вы говорите, как истинный философ.

Монтескье.

Мы желали бы видеть ваши сатиры на французском языке. Отчасти я согласен с вами: картина нравов народа почти нового всегда любопытна. Но... вот и аббат Гуаско **, ваш приятель...

* Феофил Кролик (ум. 1732), архимандрит Новоспасского и Чудова монастырей, сподвижник Феофана Прокоповича. Много переводил с немецкого, в частности исторические лексиконы и протестантский катехизис. Вместе с Феофаном написал стихи в похвалу I сатире Кантемира, который поместил их в вводной части своего сборника. Латинский текст стихов и их стихотворный русский перевод помещены в 1-м издании сатир Кантемира (1762):

...Язвлю тебя — молчи, ведь я не именую.
Кричишь — не я, да ты являешь совесть злую...

Русские силлабические стихи Феофила, обращенные к Кантемиру, см. в книге: Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. Л., «Сов. писатель», 1956, стр. 444.

** Гуаско Октавиан — друг Кантемира и переводчик на французский язык его сатир; перевод издан в Лондоне в 1749 г., чему способствовал Монтескье. Батюшков использовал биографию Кантемира, написанную Гуаско и приложенную к этому изданию. Сохранилось письмо Монтескье к Гуаско с выражением сожаления о смерти Кантемира.

— Вы очень кстати навестили нас! — сказал Кантемир, обнимая аббата. — Вы перевели мои сатиры на французский язык: прочитайте что-нибудь в угождение г. президенту; а у вас, господа, прошу терпения и снисхождения... —

Чтение и разговор продолжались долго, даже за полночь. Наконец Монтескье и аббат В. откланялись министру и расстались... довольны ли им? не знаю. Знаю только, что Кантемир, шевеля гаснувшие уголья в камине, сказал аббату Гуаско: — Признайся, любезный друг, Монтескье умный человек, великий писатель... но... —

— Но говорит о России, как невежда, — прибавил аббат Гуаско. Скромный Кантемир улыбнулся, пожелал доброй ночи аббату, и они расстались.

